

Жизнь графа Каспара Штернберга, описанная им самим (Продолжение)¹

К.М. фон Штернберг

1829

О первых днях моей болезни у меня не осталось никакого ясного представления, о более поздних – чрезвычайно неприятное, в котором бесчисленные бессвязные идеи проплывали через мою сознание, из которых я не мог запомнить ни одной, пока между бодрствованием и дремотой они, в конце концов, не выродились в фантазмагории. Позднее я так ослаб, что, когда снова пришел к здоровым мыслям и только хотел собрать их вместе в кратком письме, у меня началось головокружение, и я должен был снова прилечь.

С началом весны физические силы снова восстановились, и неудавшийся план вновь заявил о своих правах. Однако в этом году его больше нельзя было осуществить, поскольку местом собрания естествоиспытателей был выбран Гейдельберг, а я должен был использовать лето для восстановления здоровья. В конце марта, на общем собрании Музея, поскольку прошли шесть лет моего президентства, я сложил с себя эти полномочия, однако снова был избран на новые шесть лет. И хотя я чувствовал слабость, как ту, которая оставалась во мне после болезни, так и ту, которая должна была за ней последовать и связана с пожилым возрастом, все же я счел своим долгом соответствовать почетному доверию Общества до тех пор, пока силы совсем меня не оставят, и благодарил, тронутый до глубины души.

В конце апреля я поехал в Бржезину, которую не видел 8 месяцев. Мои подданные встретили меня с радостью, деревенский воздух и умеренные прогулки принесли свою пользу, но все же мне настрого наказали воспользоваться Карлсба-

Франц Ксавер Максимилиан Циппе

дом, куда я и отправился в середине июня. Я жил под одной крышей с моим другом, графом Рехбергом, что очень меня радовало. Однако то, что он сгоряча слишком быстро проходил курс без совета врача о питье и ваннах, стоило ему таких ухудшений, что он вынужден был оставить курорт; мне же делалось все лучше, так что в конце курса я снова мог совершать прогулки в горы. Вернувшись в Бржезину, я с каждым днем все больше ощущал благоприятные последствия.

Таким образом, в сентябре я смог предпринять поездку в Гейдельберг, куда было перенесено собрание естествоиспытателей этого года. Я выбрал в попутчики г-на Циппе², хранителя ми-

¹ Начало см. в: *Lethaea rossica*. – Т. 7. – С. 59–63; Т. 8. – С. 53–61; Т. 9. – С. 68–78; Т. 10. – С. 74–84; Т. 12. – С. 113–125; Т. 13. – С. 104–111; Т. 14. – С. 140–151; Т. 15. – С. 113–125; Т. 16 – С. 83–92.

² Франц Ксавер Максимилиан Циппе (1791–1863) – чешский естествоиспытатель, собрал одну из крупнейших минералогических коллекций своего времени, которая легла в основу минералогического собрания Пражского национального музея (*Ред.*).

Иоганн Михаил Цейгер

Георг Фридрих Ягер

нералогического отделения Музея, и поехал в Регенсбург, где провел пару приятных дней с семьями Брэ и Будберг. Свой путь я затем продолжил через Монхайм, чтобы ознакомиться с коллекцией д-ра Шницлера из юрских сланцев Золенгофена, которая мне особенно понравилась своими многочисленными фукоидами. В Донцдорфе я нашел графа Рехберга все еще очень больным. Мы посетили одного доктора в Гёппингене, чтобы увидеть его удивительную коллекцию из лейаса вблизи Болля и юрского известняка, и предприняли экскурсию на Штауфенберг, где обнаружили у пастора весьма приличную коллекцию окаменелостей той местности. В Штутгарте д-р Ягер³ познакомил нас с окаменелостями из окрестного кейперского песчаника, о которых я прочел лекции уже на собрании в Мюнхене и позднее в Гейдельберге. В коллекции из Карлсруэ очень много отпечатков растений из Оенингена, которые принадлежат нашей нынешней флоре.

Собрание в Гейдельберге было особенно замечательно тем, что многие иностранцы из Англии, Франции, Голландии, Швейцарии, Польши

и России также прибыли туда. Оно было открыто, как обычно, 18 сентября. Д-р Лихтенштейн приехал в Гейдельберг через Вену и многое рассказал о многочисленных коллекциях и учреждениях этой столицы; было выражено общее желание получить разрешение также собраться как-нибудь в Вене. Убеденный в великолепном личном отношении моего суверена, я взял на себя обязанность испросить у него заранее исполнение этого желания. Хотя продолжительная дождливая погода и лишила нас удовольствия видеть в ясном солнечном свете старый замок, где ботаники, собравшиеся однажды за веселым застольем, приветствовали Гёте – первооткрывателя метаморфоза растений, все же эта погода не испортила наше веселое настроение. И тот день, когда мы посетили Шветцингенский парк и закусили у директора парка Цейгера⁴, был временем вполне сносным.

В день после закрытия заседаний граф Франц Штернберг встретился в Гейдельберге со своими двумя дочерьми, Кристианой и Франциской, последняя из них теперь невеста князя Йозефа Лобковица. Мы провели там вместе под зонти-

³ *Георг Фридрих Ягер* (1785–1866) – немецкий врач и палеонтолог. Ему принадлежит одно из первых описаний остатков растений из триасовых отложений окрестностей Штутгарта (*Ред.*).

⁴ *Иоганн Михаил Цейгер* (1770–1843) – немецкий садовод и ботаник, директор парка дворца Шветцинген – летней резиденции пфальцских курфюрстов вблизи Гейдельберга (*Ред.*).

Старый замок Гейдельберга в начале XIX века

ками еще один день. Затем я пустился в путь через Дармштадт во Франкфурт, чтобы осмотреть тамошние коллекции, значительно пополнившиеся благодаря поездке Рюппеля в Египет. Выставка с антилопами, газелями, лисами и т.д. особенно занимательна, а самец и самка жирафа – настоящие украшения залы. Неожиданно я встретил там княгиню Таксис с ее дочерью, княгиней Эстергази; я остался здесь на пару дней, в то время как мой спутник, хранитель Циппе, отправился в Майнц на пароходе, чтобы совершить прогулку по Рейну.

В Штадене у г-жи фон Лёв мы встретились снова и продолжили наш путь по ужасной грязи, 8 октября уже застали снег в Шпессарте и через Вюрцбург прибыли в Бамберг, где пару дней отдохнули у архиепископа. Здесь я встретил своего старого знакомого, бывшего вюртембергского министра в Рейхстаге, барона фон Зекендорфа, в свои 82 года еще бодрого и остроумного, каким я знал его 40 лет тому назад. Из внимания к моему спутнику я поехал через Банц и Байройт, чтобы позволить ему увидеть обе замечательные кол-

лекции; за два года они значительно пополнились.

После моего прибытия назад в Бржезину я не упустил возможность передать высказанное в Гейдельберге пожелание в Вену, и Его Величество Император тотчас же выдал разрешение, чтобы Общество естествоиспытателей могло собраться в Вене.

В ноябре месяце я поехал в Прагу, чтобы присутствовать на помолвке моей кузины Франциски Штернберг с князем Йозефом Лобковицем.

1830

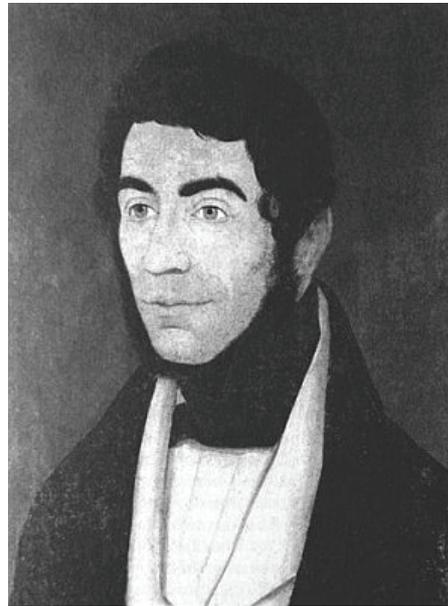
Этот роковой для всей Европы год стал таким и для меня. Каждую зиму в течение многих лет дядя мой, граф Франц Штернберг, страдал от сухого кашля, которому никогда не противопоставлял серьезной врачебной помощи, поскольку кашель обычно сам проходил весной. Введенный в заблуждение ежегодным появлением этого недуга, он и не подозревал какой-либо близкой опасности. Он только что подарил Богемскому

музею свою богатую отборную коллекцию богемских монет, мы вместе привели в порядок этот дар, и я уехал на несколько дней в Бржезину. Когда я вернулся, он скончался (8 апреля) – преданный друг, любящий отец, высоко ценимый всеми сословиями, украшение Отечества, погрузив своих детей и друзей в глубокую печаль; я разделял ее с раненым сердцем, а также с думой о себе, чья приятная семейная жизнь закончилась вместе с его. У него не было наследника мужского пола, майоратные поместья перешли к другой ветви семьи, замужние дочери последовали за своими мужьями, дом был закончен.

Я отправился в Вену, чтобы переговорить о направлении некоторых естествоиспытателей на собрание в Гамбург и получить руководство к действию. По своему возвращению я нашел и мою кузину, графиню Луизу Штернберг, сильно страдающей и почти ослепшей. Мне пришлось, из-за состояния моего здоровья, которое было сильно подорвано всеми этими печальными обстоятельствами, поехать в Карлсбад. Там я нашел Леопольда фон Буха и профессора Зеештрёма, с которыми предпринял несколько экскурсий, меня ободривших. После окончания курса лечения я отправился на несколько дней в Веймар, чтобы посетить досточтимого друга Гёте, с которым провел большую часть времени в домашнем кругу его остроумной невестки и дяди. На обратном пути я узнал о прибытии князя Меттерниха и графа Коловрата в Прагу и направился туда.

Тем временем июльские дни в Париже сотрясли внешний и внутренний мир Европы, курсы обрушились и все более крупные предприятия, в числе которых находилась и наша (Пльзеньская) железная дорога, оказались в затруднительном положении. В ожидании архиепископа Бамберга, который пожелал посетить меня в Бржезине по пути из Мариенбада, я вернулся домой, чтобы его принять. Тут вдобавок ко всему случилась революция в Нидерландах, чтобы увеличить беспорядок и возбудить дух народов.

Для меня поездка в Гамбург была в этом году неизбежной. Но пока я готовился к ней, я получил от врача моей кузины сообщение, что ее состояние стало вызывать тревогу. Я заторопился в Прагу и нашел ее очень слабой; через восемь дней и эта подруга моей юности, последняя родственница из моего времени упокоилась с миром, позволив похоронить себя в моем новом склепе.

Карел Борживой Пресл

С этой раной в сердце я уехал с хранителем дром Преслом⁵ в Гамбург. Я выбрал путь через Лейпциг, куда прибыл как раз тогда, когда обезьяны Брюссельской революции покончили с разрушением последнего дома, ворота охраняли горожане и студенты. В Берлине я смог задержаться лишь на короткое время, чтобы прибыть вовремя. Барон Жакен, астроном Литров⁶ и другие венцы уже прибыли (в Гамбург) и на третьем заседании были избраны председателями собрания естествоиспытателей, которое должно было состояться в следующем году в Вене. Город Гамбург, чтобы доставить удовольствие Обществу, арендовал голландский пароход «Вильгельм I» для поездки естествоиспытателей на Гельголанд. Я поехал с ними, и хотя на обратном пути довольно сильный шторм доставил нам множество неудобств, все же я буду всегда вспоминать об этой поездке с удовольствием.

⁵ *Карел Борживой Пресл* (1794–1852) – чешский ботаник. По протекции К.М. фон Штернберга в 1823 году был назначен на должность хранителя Пражского национального музея. Вероятно, в описываемое время ослабший зрением Штернберг поручил ему и А.К.И. Корде завершить работу над 7 и 8 тетрадами «Флоры Древнего мира», большая часть которых написана вышеозначенными лицами (Ред.).

⁶ *Йозеф Иоганн фон Литров* (1781–1840) – австрийский астроном. Несколько лет занимал должность профессора в Казанском университете, где основал обсерваторию (Ред.).

Графиня Ранцау, сестра г-жи фон Лёв, которую я не видел 20 лет, назначила мне встречу у своей дочери, также бывшей замужем за одним из графов Ранцау, в Итцехо. Я поспешил туда, но нашел лишь дочь с мужем и трех детей того возраста, в котором она была со своими сестрами, когда я видел ее в Регенсбурге: так поколения сменяют друг в друга! Двумя днями позже прибыла графиня Ранцау-мать и повезла меня в Зебург, недалеко от Киля, в принадлежащие ей дом и сад рядом с гаванью. Однако небо ни разу не прояснилось, и мы не могли осмотреть живописные окрестности во всей красе. Но было светло у нас в душе, и воспоминания о прожитых днях украсили все вокруг. Друзья из города и знакомые из Собрания проводили с нами вечера, которые протекали в остроумных беседах, к сожалению, слишком быстро.

Обратная поездка на берег Плёнского озера через Эйтин, Любек, Ратцебург была омрачена отвратительнейшей дождливой погодой: но от Хольштайна, за исключением ужасных дорог, у нас осталось приятное впечатление. В Берлине мы посетили недавно отстроенный Пальмовый дом, который значительно расширился за счет новых покупок в Париже; но еще более прелестным станет такой дом на острове Пфауэн, который начал строить король. Не было обойдено вниманием и увеличение числа чрезвычайно интересных предметов в составе коллекции минералов благодаря последней поездке в Сибирь Александра фон Гумбольдта, Эренберга и Густава Розе; но время торопило.

В Дрездене я не задержался; сгоревшая ратуша произвела на меня отвратительное впечатление. Французская Июльская революция имела политическую цель, люди, которые ее возглавляли и проводили, знали, чего они хотели; но *imitatorum servum pecus*⁷ в Германии, проплаченное иноземцами, не знало ничего другого, кроме похоти и возбуждения, к которым прибавилась и личная месть. Еще никогда немецкий сброд так сильно себя не унижал, как в это последнее время.

Дух и тело стремились к покою; я нашел его в моей одинокой Бржезине, где отдохнул за привычными делами. Возвращение в Прагу к совер-

шенно изменившимся жизненным обстоятельствам стало бременем для меня, но его скрасили умножившиеся семейные дела и общества, в которых я председательствовал. Экономическое общество расширило круг своей деятельности тем, что образовало еще и Овцеводческое объединение и приобрело поблизости от города землю под сад для Помологического объединения, чтобы основать там школы лесничества и виноделия. Для первой была куплена Рёслеровская школа лесничества в Подибраде. Во втором томе новых трудов этого общества я напечатал работу о введении маиса в Европе⁸.

1831

Зима прошла среди некоторых неприятных дел. Революция в Польше и возникшая в связи с ней война, распространение эпидемии холеры и выставление кордонов, политическая напряженность во всей Европе оказывали нежелательное влияние на все дела. Я поторопился закончить личные дела и в начале апреля поехал в Вену. Я нашел все приготовленным для приема Собрания естествоиспытателей и заранее радовался этому сплаву востока с севером и югом Германии: но после того, как это Собрание было оглашено, война в Польше приблизилась к границам Австрии, холера – в Венгрию, и одна страна за другой были закрыты кордонами. Я с озабоченностью ожидал в моей Бржезине того, что должно было там наступить, и тут на меня напал очень жестоким образом – вместе с судорожным кашлем – царивший тогда грипп, который помешал моим планам. Постепенно все сообщение было прервано местными властями, так что иностранные естествоиспытатели сами высказали пожелание, по возможности, перенести Собрание на будущий год. Так и случилось в действительности, поскольку холера, продвигаясь с востока на запад, все больше угрожала Вене. Мне было очень жаль видеть срыв моих планов во второй раз, но я должен был все же признать серьезность положения; и действительно 14 сентября, за 4 дня до назначенного первого заседания, в Вене с невиданной силой разразилась холера. Теперь все было брошено на борьбу с эпидемией, и я решил оставаться дома, чтобы обеспечить те же меры и в моем имении.

⁷ Рабское быдло подражателей (*лат.*). Но это литературный перевод. На самом же деле К.М. фон Штернберг ругается по-латыни, употребляя слово «говно» или «дерьмо». Впрочем, его искреннее негодование, имеющее выраженную классовую подоплеку, можно понять (*Ред.*).

⁸ *Sternberg C., Graf von. Ueber den Mais und dessen Verbreitung in Europa // N. Schr.-R. K. K. patriotisch-ökonomischen Ges. Böhmen. – 1830. – Bd. 2. – H. 1. – S. 32 (Ред.).*

«Пальмовый дом» на острове Пфауэн в Берлине, 1832 г.

Тем временем Адольф Броньяр со своей «Историей ископаемых растений»⁹ добрался до пятой тетради. Я, однако, собрал многое, что осталось ему неизвестным, и не всегда соглашался с его взглядами. Поэтому я использовал деревенское уединение, чтобы на досуге подготовить дополнение к моей «Флоре Древнего мира», ко-

торое позволяло представить особенно много фукоидов из формаций между юрским известняком и самыми нижними отложениями Greensand¹⁰ и некоторые более подробные разъяснения об этих формациях. Но и в этом мне воспрепятствовали строгие меры баварских дезинфекционных учреждений, которые находились между

⁹ *Brongniart Ad. Histoire des végétaux fossiles ou recherches botanique et géologique sur les végétaux renfermés dans les diverses couches du globe. T. 1. – Paris: G. Dufour et Ed. d’Ocagne, 1828–1836. – 488 p. (Ред.).*

¹⁰ Зеленый песок (*англ.*) – стратиграфическое подразделение, первоначально выделенное в Южной Англии и отвечающее современному аптскому и альбскому ярусам нижнего мела (*Ред.*).

мною и моим гравером Штурмом¹¹ в Нюрнберге. Тем временем холера шла своим путем и достигла в конце концов самой Праги.

Законченное второе и последнее дополнение к моим «*Revisio saxifragarum*» не могло быть разослано при столь многих препятствующих тому обстоятельствах. Я оставался на своем плоскогорье; и поскольку не мог в достаточной мере заниматься обычными естественноисторическими исследованиями из-за еще действующих ограничений¹², то избрал для себя другой, местный предмет: историю горной промышленности и горного законодательства в Богемии, которые еще ни разу не были исследованы в их взаимосвязях.

1832

Конечно, поздно начинать новую работу по другому предмету в свой 72-й день рождения. Но поскольку у меня имелись материалы и время, то я набрался храбрости и питал надежду на то, что если мне и не удастся полностью завершить свой труд, эта предварительная работа могла бы, по крайней мере, побудить кого-то другого довести ее до конца.

Четыре месяца, начиная с ноября, здесь, в моем лесном замке в Бржезине, я уединенно работал без перерывов (исключая четыре охотничьих дня, когда я пригласил некоторых гостей) и могу честно сказать, что не испытал и четверти часа скуки. Исключая воскресенья, когда я еду в церковь в Радниц и решаю экономические дела с живущим там чиновником, и одну поездку в неделю к моему горному мастеру, чтобы привести в порядок дела с добычей ископаемых, я постоянно нахожусь дома, по утрам посещаю теплицы в саду, остальной день посвящаю чтению и письму, но с выбором различных материй, чтобы

Якоб Штурм

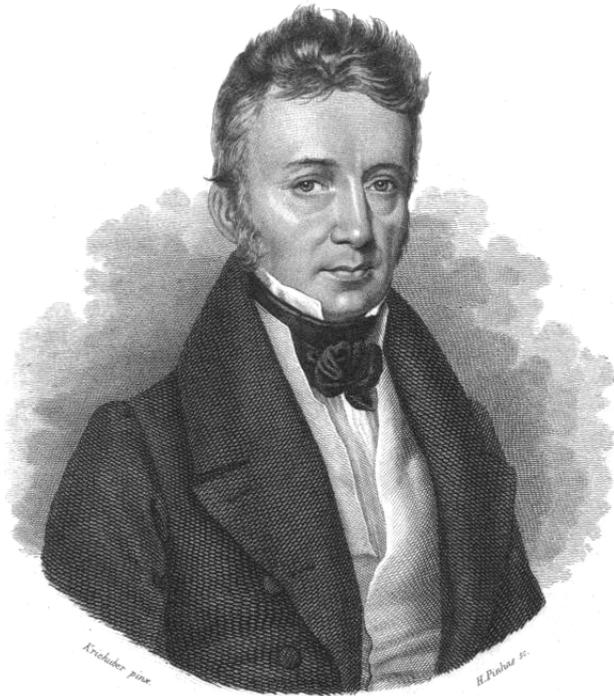
не утомить дух. Ибо я заметил, что слишком долгая задержка на одном предмете гораздо больше ударяет в голову, возбуждает нервы и расстраивает сон, чем при смене предметов. Я последовал этому методу и при этом чувствовал себя хорошо.

В своем хаотичном движении холера распространялась совершенно непредсказуемо: уже в декабре 1831 года рядом со мной были затронуты три местечка в часе езды от моих границ. Два врача, в том числе один из Радница, были присланы для ухода за больными. Я положился на очистку воздуха множеством горящих угольных шахт, фабрик серной кислоты и очагов для приготовления пищи и спокойно остался дома. Молодая женщина из одной моей деревни, расположенной лишь в четверти часа от Бржезины, уроженка одной из зараженных деревень, направилась туда на похороны своего отца и тетки, которые умерли от холеры. Сестра этой женщины сопровождала ее на обратном пути – на следующий день обе заболели холерой. Врачебная помощь была оказана быстро, и их лечил один и тот же врач; обе выздоровели. Через шесть недель болезнь прекратилась во всех трех деревнях, всего скончались 31 человек, и местность снова стала свободна.

В мае месяце Прага и вся Восточная Богемия были практически свободны от эпидемии; в Южной и Северной Богемии она тянулась от

¹¹ *Якоб Штурм* (1771–1848) – немецкий энтомолог, ботаник и гравер на меди, основатель Нюрнбергского общества естественной истории. Он иллюстрировал не только «Флору Древнего мира» К.М. фон Штернберга, но и многочисленные энтомологические и ботанические научные издания, которые благодаря его гравюрам пользовались большой популярностью (*Ред.*).

¹² *Примечание издателя Ф. Палацкога*. Именно в свободное время 1831 года граф приложил руку к последней (третьей) обработке своей автобиографии и завершил ее на этом месте. Последующие записи о 1832–1837 годах, по-видимому, внесены в оригинал манускрипта почти одновременно с событиями.

Йозеф Иоганн фон Литров

деревни к деревне. Я поехал в Прагу, а в середине июня – в Карлсбад. В середине июля довольно сильная холера разразилась в Пльзеньском округе; я вернулся назад в Бржезину через Эгер и Мариенбад. С южной, западной и северной стороны мое имение было окружено холерными больными в 10 деревнях и двух городах (Пльзень и Рокицан). В Раднице умерла от холеры одна приезжая женщина и была там похоронена – никто не заразился. Ежедневно из зараженных местечек на мою угольную шахту приезжали возчики, чтобы загрузить уголь – никто не заразился. Через пять месяцев болезнь в окрестностях прошла. Врачи и неврачи без толку потратили много бесполезных слов о заразности и незаразности этой болезни и ничего не доказали, поскольку удивительные примеры «за» и «против» позволяли поддерживать оба мнения, как это часто бывает при кори и скарлатине. Вот что я для себя вывел: восприимчивость к заболеванию индивидуально различна; я могу привести случай, когда из трех детей, которые спали в одной постели, один умер от холеры, оба других остались здоровы; но и случай, когда один деревенский мальчик, который пришел в другую деревню в школу, где царил холера, принес эту болезнь домой и умер от нее, но больше никого не заразил. В за-

крытых помещениях, на узких улицах, в низких жилых зданиях, где живут вместе много людей, болезнь распространялась самым быстрым образом, но все же не без исключений. Люди, которые много работают в воде, прачки, красильщицы тканей, умирали относительно чаще, чем люди других профессий. Бедные, плохо живущие и питающиеся люди – больше, чем те, которые питаются мясом, исключая свинину. О заражении через простое общение на вольном воздухе мне неизвестно ни одного примера. Но некоторых людей убили страх и озабоченность.

Поскольку в Вене холера почти прекратилась, было назначено Собрание естествоиспытателей. Болезнь проявилась, однако, снова в конце августа, особенно в предместьях, но мы были с ней достаточно знакомы и не рассматривали ее больше столь опасной, и я поехал туда. Южные немцы, к которым она еще не добралась, позволили себе воздержаться от участия как из-за страха перед болезнью, так и по причине неудобств с кордонами; там собрались северные немцы и врачи со всех четырех концов света. Нас было 400; великая цель сближения Севера с Востоком была полностью достигнута, с Югом – лишь частично. Иностранцы увидели и узнали то, что они раньше не могли знать, что в Австрийской монархии так много работают в области естественных наук, пожалуй, как нигде в мире; если же за рубежом об этом не знают, то лишь потому, что австрийцы – молчаливые люди. Обществу были оказаны большие почести, о чем секретарь собрания, астроном Литров сделал весьма удачный доклад. Научная часть завершена и принесет, как полагают, хорошие плоды; но моего досточтимого друга Гёте, с которым я не раз обсуждал эту цель и который принял такое живое участие в этом объединении, больше не было с нами. Когда провозглашались здравицы замечательным путешественникам в неизведанные области Природы, естествоиспытатели почтили его имя вместе с именем Кювье. Он останется великим в памяти всех, кто жил с ним и будет жить после него, но его место не будет занято так быстро; для меня же оно остается занятым.

На обратном пути я занялся в Иглау, Дойчброде и их окрестностях молчаливыми свидетельствами колоссального горного строительства, которое производилось там в XIII–XIV столетиях. Позднее я собрал в архивах и там, где еще нашел возможность, новые сведения для моей истории горной промышленности, которые при-

вез в Бржезину, чтобы упорядочить их зимой до середины января; но этот материал все еще недостаточен, чтобы начать его редактирование.

Вскоре после моего возвращения Его Величество Император наградил меня Командорским

крестом Ордена Леопольда в знак, как я полагаю, Высочайшего одобрения столь весело и изрядно проведенного Собрания естествоиспытателей; в каком отношении эта награда меня особенно порадовала.

(Продолжение следует)